

Министерство образования Российской Федерации
Московский педагогический университет

Кафедра истории зарубежных литератур

**ИДЕЙНО—ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
МНОГООБРАЗИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ
ЛИТЕРАТУР НОВОГО
И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

Часть 3

Межвузовский сборник научных трудов

Печатается по решению кафедры истории зарубежных
литератур и Редакционно-издательского совета
Московского педагогического университета

Москва 1999

Редакционная коллегия:

д. ф. н., проф. А.С. Мулярчик /отв. редактор/
д. ф. н., проф. А.Ф. Головенченко
к. ф. н. А.А. Козин
к. ф. н., доц. О.Н. Редина

Идейно-художественное многообразие зарубежных литератур нового и новейшего времени. Часть 3. Межвузовский сборник научных трудов. М.: Издательство МПУ «Народный учитель», 1999 – 228 с. ISBN 5-7017-0343-6

В статьях сборника освещаются различные проблемы развития литератур стран Западной Европы и США. Спорные вопросы бытования романтизма, реализма, натурализма, модернизма и постмодернизма получили в сборнике оригинальное, обоснованное истолкование.

В сборнике, публикуемом в год празднования 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина и 100-летия со дня рождения В.В. Набокова, заметное место заняли статьи, которые существенно дополняют представления о включенности русских художников в общемировой процесс развития литературы XIX-XX вв.

Авторы сборника - не только преподаватели и аспиранты кафедры истории зарубежных литератур МПУ, но и коллеги из других российских вузов, с которыми кафедра традиционно поддерживает тесные научные контакты.

Сборник адресован филологам, в сферу интересов которых входит новая и новейшая литература Запада, - преподавателям, аспирантам и студентам филологических вузов, а также учителям-словесникам средней школы.

СОБРАНИЕ ПЕРЕВОДОВ «ПАРНАСЦЫ И ПРОКЛЯТЫЕ» В КОНТЕКСТЕ «ТИХИХ ПЕСЕН» И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПОЭТИКИ И. АННЕНСКОГО

Как известно, первая книга стихов И.Ф. Анненского «Тихие песни», изданная в 1904 году, включала в себя не только оригинальные произведения поэта, но и приложение стихотворных переводов - «Парнасцы и проклятые». Специфичность переводов Анненского уже не раз отмечалась исследователями,¹ но любопытны также выбор и сама подача Анненским этого материала. Он располагает стихи в переводном разделе «Тихих песен» не по авторам, а вперемежку, опираясь на тонкие тематические переклички. Более того, в ряд «парнасцев и проклятых» включаются поэты, никакого отношения к ним не имевшие: Гейне, Лонгфелло и даже Гораций. И наконец, если мы обратимся к первоначальному варианту книги, то увидим, что там тексты переводных стихотворений не были выделены в особый раздел, а соседствовали с оригинальными стихами, образуя единый контекст. С чем же связана такая особенность данного аспекта поэтического творчества Анненского? Не проливает ли такое отношение поэта к расположению своих и чужих стихов в книге свет на некоторые до конца еще не разрешенные загадки художественного метода автора «Тихих песен» и «Кипарисового ларца»?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо рассмотреть один из ключевых, основополагающих элементов поэтики Анненского, который заключается, по словам американского литературоведа В.Е. Гитина, в «сличении собственной поэзии с поэзией «другого»². Мотив «другого», двойника, проходящий сквозь всю лирику Анненского, обычно связывается с идеей двойничества у Достоевского, однако мотив этот трактовался Анненским весьма своеобразно и широко, и такие стихотворения как «Двойник», «Который», «Другому» раскрывают различные грани этой мучительной, тревожной и одновременно волнующей поэта темы. Стихотворение «Двойник» начинается так:

Не я, и не он, и не ты,
И то же, что я, и не то же:
Так были мы где-то похожи,
Что наши смешались черты.

Здесь, как и всегда у Анненского, невозможно определить совершенно четко, к кому же все-таки обращается лирический герой стихотворения: первая же строка сбивает с толку, включая и читателя в эту магическую игру слов, заставляя его /если, конечно, читатель достаточно вдумчив/ почувствовать эту странную раздвоенность внутреннего «Я» поэта и вдруг понять какую-то непостижимую, загадочную причастность к идее стихотворения, понять свою незримую связь с автором. Возникает мысль: а не ты ли и есть тот самый «двойник», к которому обращается поэт? И связь эта еще более крепнет, становится понятней и осязаемей в стихотворении «Другому», где есть такие строки:

Моей мечты бесследно минет день...
Как знать? А вдруг с душой, подвижной моря,
Другой поэт её полюбит тень
В нетронуто-торжественном уборе...

Полюбит, и узнает, и поймет,
И увидав, что тень проснулась, дышит, -
Благословит немой её полет Среди людей, которые не слышат...

Пусть только бы в круженье бытия
Не вышло так, что этот дух влюбленный,
Мой брат и маг не оказался я
В ничтожестве слегка лишь подновленный.

Идея «другого», волновавшая Анненского, основывалась на его глубокой уверенности в том, что всё, существующее на земле - люди, живая природа, наконец, неодушевленные предметы, вещи, окружающие человека - всё связано незримыми нитями соответствий, подобий и даже родства, всё это - фрагменты единого универсума бытия. И поэт, в отличие от обычных людей, способен наиболее полно осознать свою неразрывную связанность со всем сущим, увидеть в маленьких трагедиях вещей /кукла, брошенная в водопад, разбитая статуя/ настоящую, вполне человеческую драму, а в каждом человеке - отражение своего «Я» и одновременно вместить в своей душе хаос и гармонию других жизней:

А где-то там мнутя средь огня
Такие ж Я без счета и названья,
И чье-то молодое за меня
Кончается в тоске существованье.

/стихотворение «Гармония»/

Недаром в наброске вступления к своей первой книге стихов Анненский писал: «Мир, освещаемый правдивым и тонким самоанализом поэта, не может не быть страшен, но он не будет мне отвратителен, потому что он - я. ³ Поэтому естественно то, что каждого любимого им поэта, будь то Еврипид, Гейне или Верлен, Анненский воспринимал не иначе, как того самого «другого», своего двойника, пусть далекого от него во времени и пространстве, но необычайно близкого духовно. Вспомним, что нечто подобное испытывал любимый Анненским Шарль Бодлер по отношению к мрачному гению Эдгара По.

Это обстоятельство позволяет понять, почему «парнасцы» и «проклятые» становятся у автора «Тихих песен» подобны друг другу до такой степени, что он располагает их стихи не по авторам, а по темам: одиночество поэта, одержимость, преданность неземному, обреченность, смерть. Он помещает рядом такие близкие по смыслу стихотворение Бодлера «Погибение проклятого поэта» и стихотворение Лекоинг де Лиля «Над умершим поэтом», «Богему» Роллина и «Богему» Рембо. Известный исследователь М. Л. Гаспаров пишет по этому поводу: «Стиль же его /Анненского/ в значительной мере нейтрализует специфику оригиналов: парнасская монументальность становится более нежной и зыбкой, а символистская отстраненность сводится к подбору красивых слов и щемящих интонаций»⁴. Да, переводы Анненского могут показаться искусственному знатоку весьма несовершенной переделкой оригинала, но ведь именно поэтому он первоначально отказывался отделять их от своих стихов. Принцип узнавания своего «Я» в стихотворении «другого» был для него важнее, чем перенесение буквального содержания.

Может быть, именно поэтому мотивы и образы многих стихотворений «парнасцев» и «проклятых» плавно перетекали в оригинальную лирику Анненского. И речь здесь идет не о банальном плагиате, как может показаться на первый взгляд, а о художественном переосмыслении и наполнении совершенно новым содержанием уже известных тем и образов. Понимая, что невозможно передать в переводе все оттенки значений и смыслов, которые вкладывал ав-

тор в свое произведение, Анненский иногда создает несколько вариаций на тему того или иного переводимого им текста /например, два варианта перевода стихотворения Верлена «Сон, с которым я сроднился»/, причем чаще всего первый вариант еще близок к оригиналу, а второй является уже оригинальным стихотворением, написанным на ту же тему. В качестве типичных примеров такого переосмысления творчества своих предшественников - «двойников» Анненским можно привести стихотворение «Квадратные окошки», которое явно перекликается с «Двойником» Гейне, стихотворение «Старая шарманка», навеянное «Шарманкой» Мюллера, стихотворение «Идеал», напоминающее о «Библиотеке» Роллина, и множество других.

Рассмотрим один из образцов такого рода усвоения чужого текста. В приложении к «Тихим песням» Анненский среди других переводов помещает сонет Сюлли Прюдома «Сомнение», где есть такие строки:

Как долго эту цепь разматывать паденьем...
Вся наконец и цепь... И ничего... Круги...
Я руки вытянул... Напрасно... Напряженьем
• Кружим мучительно... Ни точки и ни зги...

А Истины меж тем я чувствую дышанье:
Вот мерным сделалось и цепи колыханье,
Но только пустоту пронзает мой размах...

И цепи, знаю я, на пядь не удлинятся, -
Снянье где-то там, а здесь, вокруг, - темница,
Я - только маятник, и в сердце - только страх.

Спустя несколько лет, в 1907 году Анненский создает стихотворение «Лиры часов», которое можно считать переработкой того же мотива, что звучал в сонете Прюдома, но здесь образ трактуется Анненским уже в типичной манере своей оригинальной лирики:

Часы не свершили урока,
А маятник точно уснул,
Тогда распахнул я широко
~ Футляр их - и лиру качнул.

/.../

О, сердце! Когда, леденея,
Ты смертный почувствуешь страх,

Найдется ль рука, чтобы лиру
В тебе так же тихо качнуть,
И миру, желанному миру,
Тебя, мое сердце, вернуть?..

Таким образом, находя в стихах «парнасцев и проклятых» отражение своих собственных мыслей и чувств, открывая в них то, что было созвучно его душе. Анненский органично включал «чужое слово»⁵ в контекст своей первой книги; более того, отголоски и реминисценции французской поэзии / правда, в более завуалированной форме / пронизывают и вторую книгу поэта - «Кипарисовый ларец». В лирике Анненского при таком слиянии «Я» и «Не Я», своей поэзии и поэзии «другого» сама идея «перевода» оказывается размытой, утрачивает четкость границ, отделяющих перевод от оригинального творчества. Но это полностью отвечало эстетическим принципам поэта, было созвучно его мировосприятию:

«Пусть я - радость отраженья, / Но не то ль и вы, поэты?» - говорит он в одном из стихотворений «Кипарисового ларца».

Исходя из этого, не будет ли целесообразней в новых переизданиях «Тихих песен» вернуться к авторскому расположению переводов в книге, которое было отнюдь не случайным, так как выражало идею Анненского о неразрывной связанности человеческого «Я» с миллионами других существований и, несомненно, соответствовало глубокому замыслу автора?

Примечания:

1. Федоров А.В. Поэтическое творчество И. Анненского // Анненский И. Стихотворения и трагедии. Л., 1959. С. 55 - 60; Гаспаров М. Л. Анненский - переводчик Эсхила // Избранные труды, Т.2. О стихах. М., 1997. С. 141 - 147.
2. Гитин В. Е. «Интенсивный метод» в поэзии Анненского / поэтика вариантов: два «пушкинских» стихотворения в «Тихих песнях» // Русская литература, 1997, № 4. С. 39.
3. Анненский И. Ф. Что такое поэзия? // Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 206.
4. Гаспаров М. Л. Антиномичность поэтики русского модернизма / Избранные труды. Т. 2. О стихах. М., 1997. С. 435.
5. Лотман Ю. М. «Чужое слово» в поэтическом контексте // О поэтах и поэзии. СПб, 1996. С. 113 - 116.